

БОГОСЛОВИЕ И ДУХОВНОСТЬ В РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Тибор Имрени

/Сегед/

I

Христианская византийская традиция — Священное Писание, учение вселенских соборов и святых отцов Церкви, литургическое наследство — "была воспринята языческой Русью и по форме, и по содержанию как нечто выше сомнений и критики"¹. Таким образом, становление собственной христианской культуры на Руси "значительно отличалось от становления христианской культурной традиции в Римской империи, потрясаемой богословскими спорами"². Вот первая и главная особенность богословия Русской Православной Церкви, характерными чертами которого являются — до сих пор — именно неповрежденность и чистота.

Другая особенность состоит в том, что христианская традиция была воспринята на Руси прежде всего как традиция литургическая. Именно "в зримой и осязаемой литургической жизни Церкви древний житель Руси возвысился до восприятия той преображающей и спасающей благодати, которая Воплощением Бога Слова и Сошествием Святого Духа в день Пятидесятницы стала достоянием человеческого рода"³. Учение и молитва так соединились друг с другом, что навсегда остались едиными для верующего человека. Эта истина выражена — сознательно или несознательно — в термине "православие", который является калькой с греческого, где слово δόξα означает не только "мнение, представление", но и "слава, блеск, сияние"⁴, в литургическом же употреблении почти исключительно только это последнее. Учение или догмат должен стать молитвой. А

если Богооткровенная истина претворяется в молитву, тогда она воплощается и в нашей ежедневной жизни, потому что "вера без дел мертва сама по себе"⁵. Богословие — молитва — дело представляют собой одно нераздельное целое. "Вера без дела мертва, а молитва есть первое дело и начало всякого истинного дела"⁶.

Истинная духовность кормилась истинным богословием, а истинное богословие питало истинную духовность. Богословская мысль на Руси была "столь тесно связана с ее источниками — Священным Писанием, святоотеческой письменностью, духовно-аскетическим опытом и литургией —, что не могла быть выделена в самостоятельную, систематически оформленную дисциплину — богословие. Эта связь с живой духовностью оставляла самобытность древнерусского богословия: синтез богословской мысли и духовности, — синтез, который в более поздние времена стал уже предметом поиска"⁷.

На почве этого органического единства выросла и получила жизнь вся русская религиозная литература Средневековья. Эта литература богата и многообразна: агиография, летописи, литургическая гимнография, переводная литература. Но появлялись и /отчасти или полностью/ собственно богословские сочинения, как например, "Слово о законе и благодати" митрополита Илариона в XI веке или "Просветитель" прп. Иосифа Волоцкого /+ 1515/, который являлся настоящей богословской энциклопедией XVI-го века.

Систематическое высшее богословское образование возникло сначала в Киеве, затем в Москве в начале XVII-го столетия. Учреждение Духовных Академий и Семинарий вызвало к жизни творчество целого ряда богословов. На метод обучения в духовных школах в XVII-XVIII веках "оказало существенное влияние заимствованное на Западе школьное богословие. Схоластический метод, имея значение для становления собственной богословской школы, тем не менее был явлением чужеродным для России. Богословие и жизнь

постепенно отдаляются друг от друга⁸.

Олицетворением новых духовных стремлений, призывов вернуться к настоящей православной духовности стал старец Паисий Величковский /+ 1794/, прославленный Поместным собором Русской Православной Церкви 1988 года. Св. старец подвизался на Афонской Горе и ставил себе целью сделать византийскую духовно-аскетическую литературу всенародным достоянием и на русской земле. Славянский перевод Добротолюбия — составленного св. Макарием Коринфянином и св. Никодимом Святогорцем и изданного в Венеции 1782 г. — оказал огромную влияние на возрождение русской христианской духовности.

В XIX столетии преемницей духовной школы прп. Паисия, хранительницей и издательницей святоотеческой литературы стала Оптина пустынь⁹.

Между архиереями митрополит Платон /Левшин, + 1811/ был предвестником преодоления схоластического богословия. Он сознательно старался сблизить богословие с жизнью¹⁰. В этом столетии движение вперед сменялось "обратным ходом"¹¹. Велика роль в возрождении святоотеческого богословия знаменитого церковного иерарха Филарета /Дроздова, + 1867/.

Значительный отход от схоластики обнаружился в появлении исторической школы и метода историко-критического исследования во второй половине XIX-го века. Широкое применение такого метода превратило Академии в настоящие научные центры.¹² Новые успехи были достигнуты в разных областях богословия: например, в исследовании Библии /напомним только русский перевод Священного Писания/ в истории догматов, в истории вселенской и русской церкви. Результаты в области изучения святоотеческой письменности обнаружались в появлении целых собраний переводов творений св. отцов церкви. В рамках догматического богословия особое внимание уделялось основным вопросам экклезиологии и сотериологии.

В области экклезиологии славянофилы особенно подчеркивали роль церковности¹³. Вне Церкви истинное понимание Писания и Предания — и сама христианская деятельность — становятся невозможными. В осмыслении вселенского христианского единства они держались того мнения, что Церковь должна быть единой, но свободной, потому что истинное единство осуществляется в свободе по закону любви, — любовь же не моральный, а онтологический принцип жизни Церкви.

В конце XIX-го столетия стало все более необходимым сближение церковной мысли и современного общества, все более ясным, что заботы общества являются также и заботами Церкви. В середине XIX-начале XX-го веков в России наступили расцвет религиозно философской и богословской социальной мысли, который породил ряд выдающихся борцов за социальную справедливость. А во второй половине XX-го века — с усилением стремлений к христианскому единству — появилось богословие экуменизма.

II

Постараемся ознакомить с духовностью Русской Православной Церкви через самых знаменитых представителей монастырской духовности. Под духовностью понимается "более практический, менее интеллектуальный путь богосведения. Это бережно хранимый и постоянно обновляющийся молитвенно-аскетический опыт внутреннего преображения человека. Во вне это проявляется в нравственном величии, зримой святости, в хриstopодоби"¹⁴. Эта жизнь, источником которой стал Киево-Печерский монастырь, в России получила широкое распространение. Народные массы искали "духовного окормления и исцеления в общении с живыми носителями" такой духовности¹⁵.

Прежде всего мы должны вспомнить прп. Сергия Радонежского /+ 1392/, основателя Свято-Троицкой Лавры в Загорске, в лице которого византийский исихазм, через посредство молитвенно-созерцательного опыта афонского монашества, "обрел свой взлет"¹⁶ в XIV-ом веке. Духовность прп. Сергия была полностью открыта для всей русской исторической и общественной реальности. Вспомним только его решающую роль в победе над монголо-татарами на Куликовом поле! Прп. Сергий был учеником Пресвятой Троицы и "своей деятельностью раскрыл, что духовные устои человека коренятся в благодатной причастности жизни Пресвятой Троицы"¹⁷. Троичное богословие св. Сергия заключено в "Троице" прп. Андрея Рублева. Смысл этой иконы "явить человеку истину, что любовь возможна лишь в силу евхаристического причастия Божественной Любви, что духовная жизнь человека возможна лишь в Боге Духе Святом"¹⁸. В русской православной духовности поиску жизни в Боге всегда отдается предпочтение перед "умозрительным богословием"¹⁹. Русская святость считает нравственным только то, что человека с Богом соединяет, а в монастырской общине прп. Сергия царят любовь и единение по образу Пресвятой Троицы.

В XV-XVI столетиях можно наблюдать два направления в иноческой духовности. Преподобный Иосиф Волоцкий был сторонником строгого общежития иноков и сохранения монастырских владений. Так называемые "стяжатели" — во главе которых стоял сам прп. Иосиф — подчеркивали социальную и общественную ответственность монашества, попечение о бедных, о больных, о странниках, и — просвещение. А такое служение было немислимо без материального базиса. Прп. Иосиф был активным общественным деятелем и сторонником сильного, централизованного московского государства.

Прп. Нил Сорский /+ 1508/, представитель т. н. "нестяжателей" учил тому, что дела милосердия являются

долгом всех христиан, а цель иноческой жизни заключается в том, чтобы молиться о всех и показывать совершенный пример жизни. Монастырские владения снова вовлекают иноков в мирские дела, в мирской образ мышления. В связи с этим приведем здесь небольшую цитату из нашего Месяцеслова и убедимся в том как высоко оценивает Православная Церковь труды этих двух духовных братьев: "Преподобный Иосиф в своем Уставе дал синтез русской иноческой традиции. Устав пронизан требованием полного внутреннего перерождения человека, непрерывного труда в соединении с внутренней церковной молитвой. Труд представлял для Иосифа самую сущность церковности — веру, воплощенную в добрых делах, осуществленную молитву. С другой стороны, Преподобный Нил Сорский, сам подвизавшийся несколько лет на Афоне, принес оттуда учение о созерцательной жизни, как постоянном духовном делании, в сочетании с необходимым для своего жизнеобеспечения личным физическим трудом. Но труд духовный и труд физический — две стороны единого христианского призвания: живого продолжения творческого действия Божиего в мире, охватывающего как идеальную, так и материальную сферу. В этом отношении преподобные Иосиф и Нил — духовные братья. В действительности оба направления закономерно сосуществовали в русской монашеской традиции, дополняя друг друга. Как видно из Устава святого Иосифа, полное нестяжание, отказ от самих понятий твое-мое был положен в его основу"²⁰.

В самом деле оба направления сосуществовали уже в византийской традиции и в конечном итоге восходят к духовности святых Пахомия Великого и Антония Великого²¹. В конце концов Церковь признала правоту обоих преподобных и канонизировала их. В XVI-XVII веках Русская Православная Церковь смогла сохранить свои владения и свое общественное влияние. Позже XVII век — конфискация цер-

ковного имущества и "огосударствление" Церкви светской властью — подтвердил и традиционно сдержанное отношение к ней преподобного Нила и его учеников, которые имели в виду образ странствующей Церкви в постоянно меняющихся обстоятельствах.²²

Глубокий синтез двух направлений: "самобитно русского, Сергиевского, унаследованного и развитого преподобным Иосифом Волоцким и афонско-исихастского, практиковавшегося заволжскими старцами, во главе с прп. Нилом Сорским, по-новому зазвучит и откроется в духовном опыте схиархимандрита Паисия Величковского, Саровской и Оптиной пустыней, с их благодатными киновиотами, скитниками и отшельниками XVIII-XIX столетий"²³. XVIII век — век возрождения православной духовности. Прп. Паисий старался привести в соответствие личную духовность иноков с их общественным служением. Он является первым представителем нового поколения старцев ведущим к знаменитым подвижникам Саровской и Оптиной пустыни.

Самый известный и одновременно самый по времени близкий нам старец — это без сомнения — прп. Серафим Саровский /+ 1833/, который только после продолжительного уединения взялся за открытое служение и стал принимать людей. Приходившие к прп. Серафиму чувствовали его великую любовь и с умилением слушали слова, с которыми он обращался к людям: "радость моя, сокровище мое"²⁴. "Пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские — учил преподобный — сколько ни хороши сами по себе, служат только средствами для достижения цели жизни христианской. Истинная цель жизни нашей христианской — есть стяжание Духа Святого Божия"²⁵. А что значит стяжать Духа Святого? "Всякая добродетель, Христа ради делаемая, дает блага Духа Святого, но молитва более всего приносит Духа Божия, и ее удобнее всего всякому исправлять"²⁶.

Наконец, чтобы еще глубже проникнуть в понимание русской духовности обратимся к наследию простого крестьянина, недавно канонизированного старца Силуана, одаренного премудростью древних пустынных отцов. Этот святой подвижник — происхождением из России. — жил на Афоне и там и умер в 1938-м году. Его учение поразительно просто и глубоко и отвечает почти на все вопросы жизни во Христе. Вот некоторые его мысли, изложенные нам самым близким ему учеником иеромонахом Софронием, на пробу на вкус:

"Людам обычно свойственно юридическое понимание справедливости. Возложение на кого-либо ответственности за вину другого — они отвергают, как неправду. В их юридическом сознании это не укладывается. Но иное говорит дух любви Христовой. По духу этой любви разделение ответственности за вину того, кого любим, и даже несение всей полноты ее, не только не чуждо, но и до конца естественно... Многие не могут или не хотят принять и доброю волею понести последствия первородного греха Адама... Я готов отвечать за мои грехи, но только за свои личные, а никак не чужие. И не понимает человек, что таким движением своего сердца он в самом себе повторяет грех Праотца... Адам отрекался от ответственности..., и тем разбил единство Человека и единение его с Богом. Так всякий раз, когда мы отрекаемся от несения вины за общее зло..., мы повторяем тот же грех и также разбиваем единство Человека... странно, такой образ действия, т. е. принятие на себя вины и прошение прощения, представляется многим как раз чем-то рабским... весь человеческий мир можно ощущать, как некое целостное бытие, включаемое в личное бытие каждого человека... Тогда всякое зло, происходящее в мире, будет восприниматься не как постороннее, но как и свое собственное... то и бороться со злом, космическим злом каждый будет, начиная с самого себя"²⁷.

Примечания

- 1 Коммюнике 2 Международной Научной Церковной Конференции, Посвященной 1000-Летию Крещения Руси, "Богословие и Духовность Русской Православной Церкви". Журнал Московской Патриархии /в дальнейшем: ЖМП/, 1987/8. с. 25.
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 См. Древнегреческо-русский словарь. Москва, 1958., и Uj-szövetségi görög-magyar szótár. Budapest, 1951.
- 5 Иак. 2:17.
- 6 В. Соловьев. Духовные основы жизни. Изд. "Жизнь с Богом", Bruxelles, 1953, с. 32.
- 7 Коммюнике 2 Международной Научной Церковной Конференции, Посвященной 1000-Летию Крещения Руси, "Богословие и Духовность Русской Православной Церкви". ЖМП, 1987/8. с. 25.
- 8 Там же.
- 9 Коммюнике 2 Международной Научной Церковной Конференции, Посвященной 1000-Летию Крещения Руси, "Богословие и Духовность Русской Православной Церкви". ЖМП, 1987/10. с. 21.
- 10 Коммюнике 2 Международной Научной Церковной Конференции, Просвященной 1000-Летию Крещения Руси, "Богословие и Духовность Русской Православной Церкви". ЖМП, 1987/9. с. 12-13.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Коммюнике 2 Международной Научной Церковной Конференции, Просвященной 1000-Летию Крещения Руси, "Богословие и Духовность Русской Православной Церкви". ЖМП, 1987/9. с. 15.
- 14 Коммюнике 2 Международной Научной Церковной Конференции, Просвященной 1000-Летию Крещения Руси, "Богословие и Духовность Русской Православной Церкви". ЖМП, 1987/8. с. 26.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Коммюнике 2 Международной Научной Церковной Конференции, Просвященной 1000-Летию Крещения Руси, "Богословие и Духовность Русской Православной Церкви". ЖМП, 1987/10. с. 19-20.
- 18 Там же.
- 19 Там же.

- 20 Месяцеслов, 0.1. Настольная книга священнослужителя. Том 2. Москва, 1978, с. 199-200.
- 21 Тибор Имрени: Монашество в Православной Церкви. — In: Hungaro-Bulgarica 2. Szlávok — Protobolgárok — Bizánc. Szeged, 1986, с. 167-168.
- 22 J. Meyendorff. L'église orthodoxe hier et aujourd'hui. Paris, 1960, с. 89.
- 23 Комюнике 2 Международной Научной Церковной Конференции, Просвященной 1000-Летию Крещения Руси, "Богословие и Духовность Русской Православной Церкви". ЖМП, 1987/10. с. 20.
- 24 Месяцеслов, Я.2. Настольная книга священнослужителя. Том 2. Москва, 1978. с. 456.
- 25 Месяцеслов, Ил.19. Настольная книга священнослужителя. Том 3. Москва, 1979. с. 601.
- 26 Месяцеслов, Ил.19. Настольная книга священнослужителя. Том 3. Москва, 1979. с. 602.
- 27 Иеромонах Софроний: Старец Силуан. Paris, 1952. с. 52.